
Заборы виляют хвостами,
Трутся об ноги тёплыми боками,
Путаются под ногами,
Бегут впереди большими прыжками.
Яблони лижут лицо моё

холодными языками

Листьев. Встают на задние лапы,
водят по рубахе когтями.

Тополя качают башками,
Колокола качают башками,
Тучи торчат из травы
петушиными гребешками.

Где клад закопал —

в листопадной яме

Бурьян прищурился репьями.
Снилось часто: бегу пустырями,
А за мной — дети с камнями.
Теперь камни
Здороваются с башмаками сами.
Пустыри — кверху мохнатыми

животами,

Вытянув лапы подсолнухами,
Поджав лапы лопухами.
Бани с длинными трубами,
с пушистыми дымами

Идут навстречу важными котами.
— Ну, здравствуйте, верёвки

с половиками, трусами, носками.
Там, где пробирался с солнечными
лучами — застреваю плечами.
Нет печали.
Это моё волнение
в лиственном мельканье.
Это моя тень обнимает
дачников с рюкзаками.
Вначале
Было небо.
Крыши едва различались.
Это моя земля взасос
целуется с сапогами.
Звеню ключами.

С букетом из скрипа дверей и лопат,

Из крика грачей и собачьего лая,
Её за углом дожидается март
И за руку держит, домой провожая.

И в белой рубаше стоит во дворе,
И чёрные брюки запачканы глиной.
Вот локоть отставил
галантный апрель,
В груди его плещется
писк воробьиный.

Вот май перед нею бежит на руках,
Развесив весёлые пятки сирени.
И ждёт она лета. Так ждут моряка.
И только меня вспоминает всё реже.

Глядит, как на зимнее
смотрят пальто
В июне — в глаза мне,
а мне так спокойней.
И листьев зелёный дрожит кипяток.
И я, словно лыжа, стою на балконе.

Себя изучал отрешённо и глухо,
Так голая в зеркало смотрит старуха
При свете холодного ясного дня.
Но всё же за что-то любили меня.

А пыльный стакан,
что стоит в пианино —
Запчасти для мухи, паук, паутина?
В нём кроме воды, ничего-то и нет.
Но он заставляет звучать
инструмент.

Быть может, я сам ничего-то
не стою,
Но кто-то меня наполняет водою,
И кто-то по клавишам водит рукой,

А левой-ли, правой —

неважно какой.

Не зная, не помня, меня целовали,
И жизнью всё это другие назвали,
Другие придумали имя моё,
Звучащее, как на верёвке бельё,

Короткое, словно ковры выбивают.
На всё есть прекрасное слово:

бывает.

Я мимо промчался, слепой и дурной
Как поезд.

Но кто-то был счастлив со мной.

Что мне улицы света дневного,
Я не просто ложусь на кровать.
Так срасталась с землёю корова,
Что на рынок вели продавать.

И хотя совершенно здоровый,
Сердце, только прилёт на кровать,
Вдруг упало и сжалось коровой
Что на рынок ведут продавать.

Разве в этом моё преступленье,
Что лежу и во взгляде тоска.
Не ругай. Видишь, солнце алеет,
Словно тяжкий чурбан мясника.

Не толкай и не бей меня очень,
Я теперь — весь сплошная спина.
И душа моя, что позвоночник,
Неподвижна и обнажена.